

Глава 11. На тощем коне к краю земли

Небо в тот день по-прежнему хмурилось, нагоняя тоску. К Поместью Ян Чжу Ли примчался весь в мыле. На этот раз он колебаться не стал: с мечом наголо бросился напрямик во внутренний двор к флигелю, где скрывался вход в тайное убежище.

Он нажал на потайной рычаг. Раздался глухой, надрывный скрежет поворачивающегося механизма. В душе Чжу Ли царил мёртвый покой — то самое затишье, что всегда предшествует буре. Освещая себе дорогу огарком свечи и волоча за собой обнажённый клинок, он шагнул в проём. Но стоило ему оглядеться, как он сжал кулаки: У Сана и след простыл.

С такими тяжелейшими ранами — и сбежать всего через пару дней! Наёмники с Горы Лазурных Облаков и впрямь мастера своего дела.

Подавив kloпочущую ярость, Чжу Ли поставил свечу на пол и вскинул оружие. Он начал с базовых стоек Меча Лёгкого Звона — фамильного искусства семьи Чжу. Меч плавно перетекал из одной стойки в другую, пока дело не дошло до приёма «Стрекоза, касающаяся воды». Он оторвал одну ногу от пола, готовясь к восходящему выпаду, но вместо этого резко скользнул вперёд, перебросил рукоять в левую руку и глубоко прогнулся в пояснице.

Он отчётливо помнил: У Сан был левшой.

Выпад левой вышел сокрушительным, словно удар молнии. Подобно расправившему крылья орлу, Чжу Ли в неуловимом пируэте развернул корпус и вскинул левую руку. С влажным свистом сталь вонзилась в каменную кладку, оставив глубокую борозду.

Удар шёл наискось справа налево: глубокий в начале, он постепенно сходил на нет, поднимаясь от бедра к самой ключице.

Это был «Полёт Дикого Гуся, Оглядывающегося Назад» — один из приёмов, описанных в Свитке Меча Непостижимой Высоты.

Истинные мастера никогда слепо не следуют канонам. А У Сан, вне всяких сомнений, был мастером.

Чжу Ли в ярости ударил кулаком по стене. Свежая отметина на камне отозвалась тихим шуршанием, и на пол посыпалась каменная крошка.

Лишь мгновение спустя пришла боль — резкая, жгучая, словно к разбитым костяшкам прижали раскалённое клеймо. Он ударил снова, ещё неистовее, и на серой стене расцвели алые капли.

«У Сан!»

Сначала могила семьи Ло на Горе Тёмных Бровей. Затем старая усадьба в Лицье. Теперь — тайное убежище Янов в Чэнчжоу. А он-то, дурак, до последнего верил, будто этот негодяй просто умеет вовремя делать ноги!

Как можно было списывать всё на нелепые совпадения?!

Ведь он сам укрывал беглеца на Горе Тёмных Бровей. Сам смолчал, когда в Мойне Лю Чуйсюй умышленно направил Трёх Чудовищ Западного озера по ложному следу. Сам отдал ему коня по дороге в Чэнчжоу... И здесь, прямо в этой сырой конуре, своими руками принёс ему лекарство!

Чжу Ли вспомнил взгляд У Сана. Столько встреч в самых неподходящих, подозрительных местах, а он ни разу не спросил, что убийца там забыл. Должно быть, У Сан глядел на него и диву давался: надо же быть таким непроходимым глупцом! Беглец, наверное, даже издеваться не хотел — просто молча качал головой, не зная, плакать ему или смеяться.

Каким же идиотом он был! И ладно бы просто несколько раз отпустил врага — так ведь он умудрился проникнуться к нему необъяснимым доверием. Твердил Лю Чуйсюю, что У Сан всего лишь бездушный душегуб, а сам втайне считал этого нелюдимого убийцу родственной душой!

Вот где крылась истинная причина его терзаний. И эту душевную муку он заслужил сполна.

Когда Чжу Ли покинул усадьбу Янов, на город уже опустились густые сумерки. Тяжёлые тучи затянули небосвод, погружая мир в угрюмую тьму, так похожую на то, что творилось у него на душе.

В поместье Лю ужин уже закончился. Завидев его, госпожа Чжан сочувственно покачала головой:

— Да что с тобой, дитя? Лица на тебе нет. Ты ведь собирался в Гранд-отель «Судьбоносная Встреча», мы и не ждали тебя сегодня. Хоть маковой росинки во рту не было?

Лю Мянъ, не поднимая глаз от пола, тихонько добавила:

— Я оставила для брата Чжу немного еды.

Гибель семьи Ян, неопровержимая вина У Сана, собственная непростительная слепота и та щемящая боль, что сдавила грудь при осознании правды, — всё это безумным вихрем кружилось в голове Чжу Ли. Но по дороге сюда он уже всё для себя решил.

Несмотря на мертвенную бледность, он заставил себя улыбнуться:

— Дядя Лю уже отдыхает? У меня к нему спешное и крайне важное дело.

Видя, что юноша не на шутку встревожен, госпожа Чжан велела Лю Чуйсюю и Лю Мянью уйти и проводила гостя к мужу. Однако едва они вошли, как Чжу Ли, не говоря ни слова, рухнул перед главой семьи Лю на колени.

Супруги ахнули от неожиданности, принялись наперебой уговаривать его подняться, но всё было тщетно. За четверть часа Лю Чэн уже трижды пытался поставить юношу на ноги, но тот упрямо качал головой и не двигался с места.

Чжу Ли выглядел настолько измождённым, что хозяин дома всерьёз испугался: посиди гость так ещё немного, и его придётся приводить в чувство лекарствами.

Поняв, что упрямца не переубедить, госпожа Чжан лишь вздохнула и принесла чашу с тёплым отваром:

— Цуньчжи, даже если стряслась беда величиной с небо, сначала поешь, а потом поговорим. Мянью-эр так старалась, приберегла для тебя ужин.

Лю Чэн ласково добавил:

— К чему эти крайности, племянник? Всякое дело можно уладить миром. — И он вновь попытался приподнять его за плечи.

Чжу Ли низко поклонился, коснувшись лбом пола:

— Дядя Лю оказал моей семье великую честь, доверив расследование гибели Янов. Но ваш покорный слуга проявил непростительное легкомыслие. Я не сумел разглядеть зверя под овечьей шкурой и упустил убийцу. Я жестоко подвёл вас.

Чжу Ли понимал, что скрывать правду бессмысленно. Лю Чуйсюй прекрасно разбирался в искусстве Непостижимой Высоты и видел раны на теле покойного Ян Синтяня. Сегодня близкие Трёх Чудовищ Западного озера устроили нешуточный переполох на улицах Чэнчжоу, и характерные порезы на теле худого бойца ни у кого не оставили сомнений. Семья Лю правила бал в городе — слухи долетели бы до них в мгновение ока. Рано или поздно они сопоставили бы детали и поняли, что убийца — У Сан.

Лю Чэн мгновенно вскочил, опрокинув стул:

— Так ты нашёл негодяя, порешившего брата Яна и его близких?!

Вглядываясь в лицо юноши, обычно приветливое и мягкое, точно весенний ветер, Лю Чэн

заметил, как краска то прилиwała к его щекам, то сменялась мертвенной бледностью. Эмоции сменяли друг друга в безумном хороводе, но в конце концов Чжу Ли справился с собой. Взгляд его прояснился, он твёрдо посмотрел на собеседника и отчеканил:

— Да!

— Кто он? — нетерпеливо выкрикнул Лю Чэн.

— Дядя Лю, в этом и заключается моя покорная просьба, — тихо произнёс Чжу Ли. — Имя палача я назвать не могу. Не могу и не должен. Прошу вас лишь об одном: дайте мне срок. Я лично разыщу его и притащу сюда. А пока меня не будет, какие бы слухи ни доносились до ваших ушей, умоляю вас, пропускайте их мимо ушей и не предпринимайте ничего.

От удивления и нетерпения Лю Чэн позабыл о том, что юноша едва держится на ногах:

— Но почему?! Он что, твой старый знакомый? Друг? Или, быть может, кровный родственник?

Каждое слово — «знакомый», «друг», «родственник» — вонзалось в Чжу Ли подобно острому ножу. Он бледнел на глазах, судорожно хмурился, словно каждый звук стегал его по спине невидимой плетью. Но он терпел.

Несмотря на юные годы, строгое семейное воспитание помогло Чжу Ли сдерживать чувства. Сбравшись с силами, он выдал:

— Нет... Мы виделись лишь мельком, и никакой дружбы между нами нет. Просто раньше я проявил оплошность, и он выскользнул из моих рук.

«Считать, сколько именно раз этот мерзавец оставлял меня в дураках, я не стану и под пытками».

— Коли ты не знал, кто он, вины твоей в том нет, — пожал плечами Лю Чэн. — Но теперь-то мы знаем. Соберём людей, настигнем его и вздёрнем. Делов-то.

Чжу Ли упрямо покачал головой:

— Дядя Лю, умоляю, позвольте мне самому поставить в этом деле точку.

— Да почему?! — вспыхнул хозяин поместья. — Если есть какие-то трудности, выложи всё как на духу, мы вместе решим, что делать...

Разве кровную месть за истребление целого рода улаживают мирными беседами? Чжу Ли

ненавидел У Сана всей душой, но в то же время жаждал встретиться с ним лицом к лицу и выбить ответы на терзавшие его вопросы.

— Никаких тайн нет, — твёрдо ответил он. — Клянусь небом, я не стану укрывать злодея. Прошу вас, наберитесь терпения. Обещаю: я доставлю его к вашему порогу живым или мёртвым, а дальше воля ваша — вершите над ним любой суд.

Лю Чэн погрузился в тяжёлое молчание. Чжу Ли не шевелился, продолжая стоять на коленях.

И пусть у Янов водились свои тёмные секреты, для Лю Чэна они оставались добрыми друзьями — честными людьми, безвинно пострадавшими от чужой жестокости. Просить его смирить гнев, когда убийца почти в руках, было жестоко.

Видя, что разговор зашёл в тупик, госпожа Чжан мягко коснулась ладони мужа:

— Дорогой...

Лю Чэн ласково похлопал супругу по пальцам и, тяжело вздохнув, предложил Чжу Ли:

— Хорошо. Я отправлюсь в погоню вместе с тобой. Идёт?

Чжу Ли покачал головой:

— Прошу вас, оставайтесь дома...

Терпение Лю Чэна лопнуло, он рванулся было с места, но жена вовремя удержала его за рукав. Сжав его ладонь, она тихо произнесла:

— Полно тебе, дорогой. Цуньчжи молод, но мы ведь знаем, какой он надёжный человек. Я понимаю, сердце твоё обливается кровью из-за беды, постигшей брата Яна, но мёртвых уже не воротишь. К чему сейчас мучить юношу?

Чжу Ли посмотрел на хозяйку дома с глубокой признательностью. Та тепло улыбнулась ему в ответ и продолжила убеждать мужа:

— Вспомни, если бы не Цуньчжи, когда бы мы вышли на след? Ты свалился с недугом, а один Чуйсуй блуждал бы в потёмках до скончания веков. Подожди совсем немного. Пусть Цуньчжи уладит свои дела, а уж тогда мы свершим справедливую месть. Разве это не лучший выход?

Лю Чэн наконец сдался. Опустив плечи, он сердито хлопнул ладонью по столу:

— Договорились. Я подожду вести от тебя. Но ты должен оставить залог!

Чжу Ли без колебаний снял с шеи небольшую нефритовую подвеску:

— Здесь вырезан герб нашей семьи. Если я нарушу слово или совершу бесчестный поступок, вы вправе предъявить её моему отцу и потребовать ответа. Уж ему-то вы верите?

Лю Чэн молча забрал залог и, гневно взмахнув широким рукавом, вышел прочь.

Чжу Ли смотрел вслед уходящему хозяину дома, чувствуя, как спазм сжимает горло. Ярость раскалённой иглой вонзилась в разум.

«У Сан, будь ты проклят... Если при встрече ты не объяснишь мне всё до последнего слова, я лично выпущу тебе кишки!»

Госпожа Чжан тем временем ласково помогла ему подняться:

— Не серчай на него, Цуньчжи. Они с главой семьи Ян были дружны много лет, и мужу нелегко смириться с потерей.

— Что вы, госпожа, — покачал головой Чжу Ли. — Я всё понимаю. Это я повёл себя слишком опрометчиво. Спасибо вам за заступничество.

Женщина мягко похлопала его по плечу:

— Пустяки. Ты столько сделал для нашей семьи, оберегал Чуйсюя в дороге, а Мян-эр в тебе души не чает. Мне впору самой кланяться тебе в пояс. — Взяв его под руку, она повела его к гостевым покоем. — Сейчас я велю подать тебе горячего ужина. Поешь хорошенько и выпишься перед дорогой. Как говаривали древние мудрецы: «Хочешь срубить дерево — сперва наточи топор».

Чжу Ли молча кивнул. Силы действительно оставили его. Чтобы настичь У Сана, ему нужно было вернуть себе былую бодрость.

Он проспал без задних ног до самого позднего утра следующего дня, ни разу не потревожив сладкого забытья.

Перед отъездом он заглянул к чете Лю. Хозяин дома всё ещё хмурился, зато госпожа Чжан проводила его ласковым напутствием. Лю Чуйсуй тоже держался дружелюбно — надавал кучу советов и искренне пожелал удачи.

Лю Мянью, хоть и запиналась от волнения пуще прежнего, настояла на том, чтобы проводить его до городских ворот. Они ехали бок о бок, пока впереди не показалась бескрайняя равнина. Придерживая коня, девушка прикрыла ладонью глаза от яркого солнца и, устремив взгляд на синеющие вдали горы, тихо спросила:

— Брат Чжу... Скажи, ведь дядя Ян и его родные... они не были хорошими людьми, верно?

Чжу Ли грустно усмехнулся:

— Людей на свете нельзя мерить одной лишь меркой добра и зла, Мянью-эр. Всё гораздо сложнее.

Девушка обиженно надулась, продолжая блуждать взглядом по верхушкам деревьев:

— Но ты-то хороший. И брат хороший. И я тоже хорошая.

Она умышленно — или по чистой случайности — не упомянула ни отца, ни мать.

Чжу Ли легонько потрепал её по голове:

— Ну полно тебе. Возвращайся домой. Оставь заботы о Янах старшим, а сама займись тем, что положено приличным барышням — шитьём да вышивкой.

Она недовольно отмахнулась от его руки:

— Терпеть не могу это ши... шитьё. Такая скучища!

— А махать мечом, значит, веселее? — рассмеялся Чжу Ли. — Смотри, прослывёшь разбойницей — никто замуж не возьмёт!

Девушка растерянно ахнула, вспыхнула до ушей и, сердито зыркнув на него, резко развернула лошадь и помчалась обратно в город.

Оставшись в одиночестве, Чжу Ли задумался. След У Сана простыл, искать его наугад не имело смысла. Рассудив, что наёмник рано или поздно потянется назад, к Горе Лазурных Облаков, Чжу Ли направил коня на северо-запад. В дороге он решил не только присматривать за подозрительными прохожими, но и держать в поле зрения родню Трёх Чудовищ Западного озера.

Эти крикуны гонялись за беглецом не первый день. Пусть мастерством они не блистали и поймать юркого наёмника не могли, но заставили его изрядно попотеть. К тому же нюх на

чужие следы у них имелся — глупо было бы не воспользоваться их стараниями.

Он мчался без отдыха, меняя заводных коней, ночуя под открытым небом и довольствуясь случайной похлёбкой. За два дня бешеной скачки он преодолел огромное расстояние. Самого У Сана он так и не выследил, зато наслушался слухов, заполонивших постоянные дворы. Завсегдатаи наперебой толковали о некой восходящей звезде с Горы Лазурных Облаков — юноше неземной красоты, чей клинок двигался с изяществом самой смерти. Поговаривали, что его владение искусством Непостижимой Высоты достигло таких вершин, что он шутя одолел нескольких прославленных мастеров Цзяннани, и теперь никто не смеет встать у него на пути.

Раз весть об искусстве Непостижимой Высоты разошлась по округе, Лю Чэн со своими людьми наверняка сообразил, чьих рук это дело. И хотя старик согласился дать Чжу Ли время, верить его терпению не стоило. Малейшее промедление грозило обернуться катастрофой.

За эти безумные дни первая горечь немного утихла. Чжу Ли напомнил себе, кто он: сыщик, ищущий истину. А У Сан — наёмный убийца, на чьей совести не только Яны, но и три покойника из Трёх Героев Западного озера. Беглец сейчас сам загнан как зверь, мечется из стороны в сторону, спасая шкуру. Неужто Чжу Ли всерьёз рассчитывал, что тот при первой же встрече упадёт на колени, признается во всех грехах и выложит чистую правду?

Чушь собачья. На такое надеяться глупо.

К тому же, если вспомнить их прошлые встречи... У Сан хоть и держался особняком, но ни разу не попытался пустить его по ложному следу или убрать с дороги. Для наёмника, который работает за звонкую монету и плевать хотел на законы чести, подобное благородство — великая редкость.

И всё же обида и глухая злость на этого человека по-прежнему жгли ему сердце.

<http://bllate.org/book/20387/2132435>